

(1) Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! (2) Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? (3) Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений...

(4) Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице. (5) Уже поздно, давно выпил свою вечернюю чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. (6) Матап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. (7) Одни звуки эти так много говорят моему сердцу!

(8) Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая – лицо её не больше пуговки.

(9) Но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она улыбнулась мне. (10) Мне нравится видеть её такой крошечной. (11) Я прищуриваю глаза ещё больше, и она делается ещё меньше. (12) Но я пошевелился – и очарование разрушилось. (13) Я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. (14) Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

– (15) Ты опять заснёшь, Николенька, – говорит мне татап, – ты бы лучше шёл наверх.

– (16) Я не хочу спать, татап, – ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят.

(17) Чувствуешь, бывало, вприсонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмёшь её к губам.

(18) Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; татап сказала, что сама разбудит меня. (19) Это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос: «Вставай, моя душечка: пора идти спать».

(20) Ничьи равнодушные взоры не стесняют её: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. (21) Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

– (22) Вставай же, мой ангел.

(23) Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекочут меня. (24) В комнате тихо, полутемно; мамаша сидит подле самого меня; я слышу её голос. (25) Всё это заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди. (26) Она ещё нежнее целует меня. (27) После этого, как, бывало, придёшь наверх и начнёшь укладываться в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Люблю папеньку и маменьку».

(28) Помню, завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, но о чём они?

(29) Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. (30) Вспомнишь любимую фарфоровую игрушку – зайчика или собачку – уткнёшь её в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. (31) Ещё подумаешь о том, чтобы было счастье всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, и уснёшь тихо, спокойно.

(32) Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? (33) Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная весёлость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?

(По Л.Н. Толстому)